

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Библейские исследования

Х-а И.

**УЧЕНИЕ БЛАЖЕННОГО
АВГУСТИНА
О БОГОДУХНОВЕННОСТИ
СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ**

Вера и разум, 1894, т. 1, ч. 1, с. 96-110

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

УЧЕНИЕ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

О

БОГОДУХОВЕННОСТИ СВ ПИСАНИЯ.

Вполнѣ опредѣленное и систематически развитое понятіе о богодуховенности Св. Писанія слагается изъ трехъ отдѣльных—хотя внутренно и связанныхъ между собою—понятій, именно: изъ а) понятія о необходимомъ взаимоотношеніи между божественною благодатью и личностью священныхъ писателей,—б) понятія объ авторитетѣ богодуховеннаго Писанія и—в) понятія о безошибочности или непогрѣшимости того-же Писанія. Конечно, для мыслителей, которымъ ничего не стоитъ отнестись отрицательно-критически къ христіанской догмѣ,—для мыслителей, мало имѣющихъ общаго съ христіанствомъ, хотя и называющихъ себя христіанами,—для такихъ мыслителей приведенная схема не существуетъ. Но должно имѣть въ виду положительныхъ христіанскихъ мыслителей, преданныхъ чадъ Святой Церкви: для нихъ приведенная схема имѣетъ глубокій жизненный смыслъ. Съ ихъ стороны, если и возможно отрицательное отношеніе къ какому-либо изъ трехъ упомянутыхъ понятій, входящихъ въ составъ общаго понятія о богодуховенности Писанія—хотя бы, напр., къ понятію непогрѣшимости,—то это будетъ отрицаніе не въ абсолютномъ, а только въ нѣкоторомъ, относительномъ смыслѣ. Т. е. у положительныхъ христіанскихъ мыслителей возможно различіе отлѣнговъ въ проведеніи указанныхъ трехъ понятій. но—не прямо отрицательное отношеніе къ нимъ. Предъ нами мужъ рѣдкой хри-

стіанской доблести, усвоившій духъ христіанскаго ученія во всей возможной полнотѣ и отозвавшійся въ безпримѣрно-плодотворной литературной дѣятельности на всѣ движенія просвѣщенной о Христвѣ мысли. Уже по одному этому можно заранѣе предположить, что вопросъ о богодухновенности Св. Писанія окажется глубоко затронутымъ у бл. Августина. Если же вспомнимъ, что къ самому принятію христіанства Августинъ былъ призванъ таинственнымъ голосомъ, указавшимъ ему на Библію и велѣвшимъ взять ее и читать,—равно, если вспомнимъ то обстоятельство, что бл. Августинъ всю жизнь послѣ крещенія велъ борьбу съ Манихеями, ставившими на ряду съ Св. Писаніемъ и даже выше послѣдняго вѣщанія своихъ экзальтированныхъ quasi пророковъ, — то станетъ понятно, что вопросъ о богодухновенности Св. Писанія не могъ быть обойденъ бл. Августиномъ. Дѣйствительно, въ различныхъ сочиненіяхъ бл. Августина встрѣчаемъ весьма много отдѣльныхъ мыслей по вопросу о богодухновенности, такъ что изслѣдователи разныхъ вѣковъ смотрѣли на бл. Августина, какъ на выразителя церковныхъ понятій по данному вопросу. Новѣйшіе изслѣдователи: Даушъ, Рейнке, Дикгофъ—согласно признаютъ, что вопросъ о богодухновенности затронутъ весьма глубоко у бл. Августина, хотя систематически развитаго понятія о богодухновенности Писанія у него нѣтъ. Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ можно бы вполне согласиться, если понимать его въ томъ смыслѣ, что ни въ одномъ сочиненіи бл. Августина нельзя найти связнаго развитія мысли о богодухновенности. Но, по нашему мнѣнію, едвали это отсутствіе въ сочиненіяхъ бл. Августина связнаго развитія и изложенія мысли о богодухновенности можетъ свидѣтельствовать объ отсутствіи у бл. Августина полнаго понятія о богодухновенности. То обстоятельство, что бл. Августинъ не изложилъ въ связномъ видѣ и въ одномъ мѣстѣ своихъ мыслей по вопросу о богодухновенности,—объясняется тѣмъ, что этого не требовала современность: христіанская мысль была занята спеціальными вопросами христіанскаго вѣроученія, въ совершенно твердомъ убѣжденіи касательно Св. Писанія, какъ первоисточника вѣры. Манихеи, правда, заслуживали самаго серьезнаго вниманія со

стороны блаж. Августина, но не какъ отрицавшіе богодухновенность Писанія, а какъ расширявшіе понятіе откровенія на вѣщанія искусственно экзальтированныхъ людей. Словомъ, уваженіе къ Св. Писанію было столь непоколебимымъ для тогдашняго христіанскаго сознанія, что бл. Августинъ не имѣлъ нужды систематически раскрывать основы важнаго значенія Писанія—его богодухновенность и божественный авторитетъ. Это понятно тѣмъ болѣе, что бл. Августинъ жилъ въ ближайшую пору послѣ окончательнаго утвержденія Церковью священнаго канона. Однако и это послѣднее обстоятельство должно служить ручательствомъ за то, что, на безпримѣрной широтѣ самой многосторонней литературной дѣятельности, бл. Августинъ долженъ былъ многократно обратить свой мысленный взоръ на это чудное зданіе писаннаго слова Божія и, со свойственною ему уму пронизательностью, коснуться всѣхъ сторонъ вопроса о богодухновенности Писанія. Наконецъ, о широтѣ взгляда бл. Августина на богодухновенность Св. Писанія свидѣтельствуется и тотъ фактъ, что изслѣдователи, державшіеся самыхъ различныхъ понятій о богодухновенности, одинаково ссылаются на бл. Августина. Это можно объяснить только тѣмъ именно, что всесторонній, глубокопронизательный умъ бл. Августина дѣйствительно могъ всесторонне осмыслить, разъ представшую предъ этимъ умомъ, схему о богодухновенности—что отозвалось, конечно, на характерѣ частныхъ замѣчаній по данному вопросу, сдѣланныхъ бл. Августиномъ въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ сочиненій.

Итакъ, будетъ небезосновательно воспользоваться—въ дѣлѣ систематизаціи ученія бл. Августина о богодухновенности Св. Писанія—поставленнаго въ самомъ началѣ формою полнаго раскрытія понятія о богодухновенности въ видѣ трехъ отдѣльныхъ понятій. Конечно, этимъ будетъ облегченъ только трудъ общей систематизаціи ученія бл. Августина по данному вопросу. Но это не главная задача и не главная трудность въ настоящемъ случаѣ. Не трудно будетъ показать, что бл. Августинъ дѣйствительно считалъ Св. Писаніе актомъ чрезвычайнаго взаимоотношенія между божественною благодатью и личностью священныхъ писателей,—что бл. Августинъ усвоитъ высшій, божественный авторитетъ Св. Писанію, и—что, нако-

нецъ, онъ считалъ Писаніе чуждымъ всякой ошибки. Труднѣе всего будетъ подмѣтить и твердо установить отгѣнки въ проведеніи бл. Августиномъ всѣхъ этихъ понятій. И это вполнѣ понятно. Когда извѣстный предметъ излагается въ связной системѣ, тогда общій духъ системы освѣщаетъ и каждую часть ея, въ отдѣльности взятую. Не то бываетъ при отсутствіи всякаго признака системы. Мысль, которая въ системѣ могла бы быть самою содержательною и самою положительною, а для уясненія извѣстнаго вопроса самою рѣшительною,—такая мысль внѣ системы должна быть разсматриваема какъ мысль обнаженная, голая, т. е. должна быть понимаема въ самомъ непосредственномъ, безтенденціозномъ смыслѣ. Все это нужно имѣть въ виду, въ противномъ случаѣ намъ будетъ угрожать опасность, какъ бы не приписать бл. Августину такихъ мыслей, какихъ онъ вовсе не держался, что и случилось со многими толкователями бл. Августина изъ протестантскихъ ученыхъ стараго, ортодоксальнаго направленія, равно какъ и со многими новѣйшими супранатуралистами. Здѣсь открывается большой просторъ для критики, которая дѣйствительно могла бы оказать не маловажную услугу въ дѣлѣ разъясненія нашего вопроса. Но это дѣло обстоятельнаго научнаго изслѣдованія.—Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, можно перейти къ самому изложенію ученія бл. Августина о богодухновенности Св. Писанія. Первый вопросъ, который предстоить намъ рѣшить, есть вопросъ о томъ, какъ понималъ бл. Августинъ взаимоотношеніе между божественною благодатію и личностью священныхъ писателей.

Нѣтъ нужды останавливаться на вопросѣ о томъ, признавалъ ли бл. Августинъ вдохновеніе священныхъ писателей совершенно особымъ явленіемъ въ міровой исторіи, отличнымъ отъ обыкновеннаго поэтическаго вдохновенія. Это очевидно уже изъ тѣхъ эпитетовъ, какіе бл. Августинъ прилагаетъ къ Св. Писанію. Онъ называетъ его: „*litterae divinae, sanctae*“, „*divini codices*“, „*divini libri*“, „*chirografum dei*“, „*venerabilis stylus Spiritus Sancti*“¹⁾. Такіе эпитеты не приложимы къ произведеніямъ поэтическаго творчества, хотя бы они носили на себѣ слѣды самаго высокаго вдохновенія. Мало того, такіе эпи-

¹⁾ Epist. 147, 9; Enarr. in Psal. 144, 17; Sermo II in Ps. 90, nar. 1; De Genesi ad litteram. lib. I, c. 21, nr. 41 и др.

тетъ—какъ: „chirografum dei“, „venerabilis stylus Spiritus Sancti“,—приняты въ прямомъ, строгомъ смыслѣ, указываютъ на такую противоположность между Св. Писаніемъ и писаніемъ обыкновеннымъ, какая существуетъ, напр., между умомъ божественнымъ и человѣческимъ. Вотъ здѣсь и возникаетъ вопросъ, который безспорно есть вопросъ важнѣйшій въ изслѣдованіи ученія бл. Августина о богодухновенности Св. Писанія. Дѣйствительно-ли бл. Августинъ держался механическаго взгляда на богодухновенность Писанія—взгляда ортодоксаловъ и супранатуралистовъ, по которому священные писатели совершенно пассивно (*impulsus ad scribendum*) записали не только мысли (*suggestio rerum*), но и слова (*suggestio verborum*) подъ „dictamen“ (диктовку) Святаго Духа? Нужно замѣтить, что ортодоксалы настолько увѣренно признавали бл. Августина сторонникомъ механическаго взгляда, что нѣкоторые изъ нихъ прямо влагали въ уста его изреченія о божественномъ „dictamen“ Св. Духа. Теперь доказано, что у бл. Августина нигдѣ не обозначена дѣятельность Св. Духа при написаніи Библии словомъ „dictamen“. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время нѣкоторые изслѣдователи готовы утверждать, что, хотя блаженному Августину чужда точная терминологія механическаго взгляда (*dictamen, suggestio rerum et verborum, impulsus ad scribendum*), но только этотъ одинъ взглядъ могъ быть у него на самомъ дѣлѣ: онъ не могъ по своему времени имѣть понятія о взаимодействіи божественнаго и человѣческаго элементовъ въ актѣ написанія Библии. Утверждающіе это ссылаются между прочимъ на то, будто ко времени бл. Августина церковное сознанье еще не успѣло отрѣшиться отъ взгляда Иудейской Церкви на богодухновенность Св. Писанія, а этотъ послѣдній взглядъ сводился къ ученію объ экстазѣ священннхъ писателей, въ какомъ состояніи они были только трубами, перомъ Святаго Духа. Но, если благоговѣйное чувство церковныхъ учителей первыхъ вѣковъ къ Св. Писанію, для объясненія божественнаго воздѣйствія на священннхъ писателей обращалось иногда къ подобіямъ флейты, цитры. или лиры и т. п., на которыхъ какъ бы игралъ вдохновляющій Духъ, если священные писатели назывались органами Божиими,—то подобныя выраженія были только сравненіями; при такихъ сравненіяхъ у церков-

ныхъ писателей первыхъ вѣковъ находимъ мѣста, ясно показывающія, что имъ не чуждо ученіе о вдохновеніи какъ взаимодѣйствіи Духа божественнаго и человѣческаго, а о Св. Писаніи—какъ о произведеніи Духа божественнаго, но не исключавшаго свободы и самостоятельности духа священныхъ писателей. Иринея Ліонскаго больше, чѣмъ кого либо считаютъ строгимъ сторонникомъ іудейской механической теоріи богодухновенности и однако это не справедливо, ибо онъ говоритъ объ особенностяхъ слога Ап. Павла, а въ нѣкоторыхъ свойствахъ его синтаксическихъ оборотовъ видитъ отраженіе „проворства его рѣчи по силѣ духа, въ немъ обитавшаго“ (Adv. haeres. lib. III, c. 7). Но перейдемъ къ самому бл. Августину.

„Нѣтъ сомнѣнія“,—говоритъ бл. Августинъ во вступленіи къ „Христіанской наукѣ“—что всякій способъ наученія могъ и можетъ совершаться чрезъ Ангела; но въ такомъ случаѣ участь человѣчества была бы весьма низка, если-бы Богъ не благоволилъ сообщать людямъ слова Своего чрезъ людей-же. Какимъ образомъ оправдалось бы изреченіе Писанія: „храмъ Божій святъ есть, иже есте Вы“, еслибы Господь не открывалъ воли своей изъ сего храма, а все нужное для наученія человѣка сообщалъ бы съ неба и чрезъ Ангела (Сар. VI)?“ Какое высокое представленіе о достоинствѣ человѣческой личности, достигшей личнаго общенія съ Богомъ! Удостоившись этого общенія, душа проникается во всѣхъ своихъ силахъ свѣтомъ божественнымъ и возвышается до того, что являетъ въ себѣ Бога, какъ въ нѣкоемъ храмѣ. Здѣсь дана мысль, которая можетъ служить ручательствомъ за то, что бл. Августинъ не могъ держаться механическаго взгляда на богодухновенность Св. Писанія. И, во 1-хъ, права личности священныхъ писателей были бы нарушены, если-бы вдохновеніе погружало ихъ въ совершенно пассивное состояніе, въ состояніе безличное. Во 2-хъ, чѣмъ исключительнѣе, тѣснѣе нужно представлять проникновеніе или единеніе между личностью священныхъ писателей и божественною, благодатною дѣятельностью Святаго Духа въ актѣ написанія Библіи, тѣмъ возвышеннѣе, совершеннѣе нужно представлять внутреннюю жизнь самихъ писателей. Дѣйствительно у бл. Августина находимъ широкое развитіе мысли объ этомъ глубочайшемъ проникновеніи священныхъ писателей Духомъ

божественнымъ. По бл. Августину личная духовная жизнь священнѣхъ писателей въ зависимости отъ вдохновенія возвышалась до полнаго согласія съ намѣреніями и движеніями Святаго Духа, достигала глубочайшаго разумѣнія смысла домостроительства. Вотъ что говоритъ бл. Августинъ о Моисеѣ, какъ вдохновенномъ повѣствователѣ о первоначальной исторіи міра и человѣчества. „Моисей, поелику онъ писалъ это вдохновенный, обо всемъ думалъ не только то, что мы всегда можемъ признать за истину въ его словахъ, но вмѣстѣ и то, о чемъ всевозможнымъ образомъ можно думать, хотя мы объ этомъ еще не думали. Благоговѣніе предъ Богомъ и его вѣщателями требуетъ того, чтобы мы придавали самый широкій объемъ смыслу, выраженному въ ихъ словахъ (Confes. lib. XII, с. 31)“. Равно, утверждая авторитетъ евангелистовъ въ виду нѣкоторыхъ разнорѣчій между ними, бл. Августинъ говоритъ, что всѣ они находились въ тѣснѣйшемъ единеніи со Христомъ, Который есть глава тѣла, въ которомъ они суть члены,—откуда должно было произойти чудное согласіе между ними, при всемъ различіи ихъ обязанностей и личныхъ свойствъ (De consensu Evang. lib. I, с. 54). А касательно богословія евангелиста Іоанна бл. Августинъ дѣлаетъ слѣдующее, весьма характерное замѣчаніе: „такъ какъ Іоаннъ какъ человѣкъ писалъ о Богѣ, то онъ не говорилъ какъ есть, но какъ онъ могъ, если говорилъ какъ вдохновенный Богомъ; иначе“, т. е. какъ простой человѣкъ, „онъ ничего не сказалъ бы (Tract. in Ioan. ev. I, п. 1)“. Въ полномъ согласіи съ этими данными стоитъ слѣдующее замѣчаніе бл. Августина изъ „Христіанской науки“: „читающіе слово Божіе для своего спасенія ничего болѣе не желаютъ, какъ только найти въ немъ мысли и волю тѣхъ, коими оно написано, а такимъ образомъ найти волю Божію, по которой говорили, какъ мы вѣримъ, всѣ богодухновенные писатели (De doctrina chr. lib II, с. 6)“. Итакъ ясно, что, по понятію бл. Августина, личная жизнь священнѣхъ писателей, въ зависимости отъ божественнаго вдохновенія, не только не подавлялась, а, напротивъ, возвышалась и очищалась во всѣхъ своихъ отправленіяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что вдохновеніе священнѣхъ писателей по бл. Августину не есть только призывъ къ записи откровенія, но вмѣстѣ и благодатное озареніе и возвышеніе всего духовнаго

существа священнаго писателя. Это—только высшая, чрезвычайная или—лучше—исключительная форма обнаруженія благодати божественной въ исторіи града Божія. Но какъ, вообще дѣйствіе *gratiae divinae* не исключаетъ *liberum arbitrium* (что бл. Августинъ съ особенною настойчивостью раскрываетъ въ сочиненіи „*De gratia et libero arbitrio*“), такъ и чрезвычайное воздѣйствіе вдохновенія на священныя писателей не исключало ихъ самостоятельности и личнаго участія въ дѣлѣ написанія священныя книгъ Библии. Это не былъ экстазъ или восхищеніе духа, съ подавленіемъ естественнаго человѣческаго самосознанія: это было систематическое возвышеніе естественной, но очищенной человѣчности до степени полнаго проникновенія духа человѣческаго Духомъ божественнымъ, причѣмъ личное самосознаніе писателей не только не подавлялось, а, напротивъ, развивалось и достигало силы не только сознательно усвоить божественное откровеніе, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и самостоятельно проникать въ тайны домостроительства. Далѣе будетъ ясно, насколько такой характеръ представленія о сущности и свойствахъ *inspiratio* (вдохновенія) гармонировалъ у бл. Августина съ духомъ пониманія имъ авторитета священныя писателей.

Но прежде, чѣмъ перейти къ установленію взгляда бл. Августина на авторитетъ богодухновеннаго Писанія, поскольку этотъ авторитетъ зависитъ именно отъ богодухновенности Писанія,—нужно предварительно уяснить образъ мыслей бл. Августина касательно основъ этого авторитета вообще. Какъ отмѣчено выше, бл. Августинъ жилъ въ ближайшую пору послѣ окончательнаго утвержденія Церковью канона Св. Писанія. Уже по одному этому бл. Августинъ не могъ не отмѣтить важнаго значенія Церкви, какъ живой—такъ сказать—основы авторитета Св. Писанія. Дѣйствительно, бл. Августинъ не рѣдко соединяетъ съ мыслью объ авторитетѣ Писанія мысль о канонѣ. Вотъ, что пишетъ онъ въ письмѣ къ Иерониму—82-мъ: „признаюсь любви твоей, я наученъ, что только тѣмъ книгамъ Писанія, которыя уже называются каноническими, принадлежитъ безусловный почетъ и уваженіе“. Въ другомъ мѣстѣ бл. Августинъ говоритъ: „Духъ Святой утвердилъ высшимъ авторитетомъ Писанія, назвавъ ихъ каноническими (*De civ. Dei lib. XI c. 3*).“ Кстати у бл. Августина находимъ перечисленіе каноническихъ книгъ

Ветхаго (44) и Новаго (27) Завѣта, вполне согласное съ ученіемъ Православной Церкви (De doctr. chr. lib. II, с. 13). Только книга „Премудрости“—каноническая—въ данномъ мѣстѣ приписывается Сираху, отъ чего впрочемъ бл. Августинъ отказался, какъ видно изъ его „Поправокъ“ (Retractationum lib. II, с. 4). Но въ данномъ случаѣ для насъ всего важнѣе прослѣдить взглядъ бл. Августина на тѣ внутренніе, данныя въ самомъ характерѣ содержанія Св. Писанія, принципы, коими руководствовалась Церковь при составленіи библейскаго канона. Весьма важное и характерное замѣчаніе въ данномъ отношеніи находимъ въ 33-й главѣ XVIII книги сочиненія „О градѣ Божиємъ“. Здѣсь бл. Августинъ останавливается на показаніяхъ книгъ Паралипоменонъ (I 29, 29; II 9, 29) о томъ, что современные Давиду и Соломону пророки и прозорливцы оставили книги своихъ записей. Поднявъ вопросъ о томъ, по какой причинѣ эти книги не попали въ канонъ, бл. Августинъ говоритъ: „признаюсь, того обстоятельства, что нѣкоторыя книги пророковъ не попали въ канонъ, я не могу объяснить себѣ иначе, какъ предположеніемъ, что люди эти, которымъ Духъ Святой открывалъ то, что должно было имѣть религиозный авторитетъ, сами же могли писать—одно, какъ люди, изъ любви къ историческимъ изслѣдованіямъ, другое, какъ пророки, по божественному вдохновенію; и эти два рода писаній были такъ различны, что первый, полагали, нужно приписывать какъ бы имъ самимъ, а другой Богу, чрезъ нихъ говорящему, и такимъ образомъ первый относился къ расширенію познанія, а другой къ авторитету религіи“. Ясно, что, по бл. Августину, извѣстныя книги Писанія пользуются авторитетомъ книгъ каноническихъ не потому только, что онѣ признаны Церковью принадлежащими подлинно такимъ лицамъ, которыя сподобились божественнаго откровенія, но главнымъ и существеннымъ образомъ потому, что сами онѣ—эти книги—проникнуты полнотою религиознаго авторитета. какъ книги, посвященныя дѣлу домостроительства о спасеніи человѣчества посредствомъ истинной, богооткровенной религіи. Отсюда весьма характерно приведенное выше выраженіе бл. Августина: „Духъ Святой утвердилъ высшимъ авторитетомъ Писанія, назвавъ ихъ каноническими“. Т. е. Писанія, сами по себѣ исполненныя религиознаго авторитета, Духъ Свя-

тый только утвердилъ при посредствѣ Церкви въ этомъ авторитетѣ, направивъ сознание Церкви къ распознаванію истинно-авторитетныхъ Писаній, которыя и названы каноническими. Тѣмъ не менѣе остается еще нерѣшеннымъ вопросъ, въ чемъ же должно полагать объективный, реально данный въ самомъ содержаніи каноническаго Писанія, знакъ, свидѣтельствующій объ означенной полногѣ религіознаго авторитета Писанія, какъ посвященнаго дѣлу богооткровенной религіи? На этотъ вопросъ находимъ такой отвѣтъ въ сочиненіи „Оградѣ Божіемъ“, Христосъ, говорившій, насколько считалъ достаточнымъ, сначала чрезъ пророковъ, потомъ Самъ лично, послѣ же черезъ апостоловъ, произвелъ также и Писаніе, называемое каноническимъ и обладающее превосходнѣйшимъ авторитетомъ. Этому Писанію мы довѣряемъ въ тѣхъ вещахъ, незнаніе которыхъ вредно, но и знанія которыхъ мы не въ состояніи достигнуть сами. Ибо, если на основаніи собственнаго свидѣтельства можетъ быть познано нами то, что удалено отъ нашихъ чувствъ, внутреннихъ или даже внѣшнихъ, и что поэтому называется подлежащимъ чувствамъ (*praesentia*) въ томъ смыслѣ, какъ называется подлежащимъ зрѣнію то, что находится предъ глазами: то въ отношеніи того, что удалено отъ нашихъ чувствъ, по количеству мы не можемъ знать его при помощи собственнаго свидѣтельства, мы непремѣнно требуемъ посторонняго свидѣтельства, и вѣримъ тѣмъ, относительно которыхъ не сомнѣваемся, что оно не удалено или не было удалено отъ ихъ чувствъ. Итакъ, какъ относительно предметовъ видимыхъ, которыхъ мы не видимъ сами, мы довѣряемъ видѣвшимъ ихъ, и также точно поступаемъ и въ отношеніи остальныхъ вещей, подлежащихъ тому или иному тѣлесному чувству; такъ и въ отношеніи того, что чувствуется душою или умомъ, т. е. въ отношеніи тѣхъ невидимыхъ вещей, которыя удалены отъ нашего внутренняго чувства, мы должны вѣрить тѣмъ, которые познали поставленное въ ономъ безтѣлесномъ свѣтѣ и созерцаютъ въ немъ пребывающее (*De civ. Dei lib. II, c. 3*)“. Итакъ, объективно-реальное основаніе безусловнаго религіознаго авторитета Писанія заключается въ томъ, что въ немъ—Писаніи содержится свѣтъ разумнія вещей божественныхъ, „ихже не лѣтъ есть челоуку глагодати“, но которыя познали боговдохновенные священные

писатели. Замѣтимъ кстати, какъ выражается о сихъ послѣднихъ бл. Августинъ: „они познали поставленное въ ономъ безтѣлесномъ свѣтѣ и созерцаютъ въ немъ пребывающее“—т. е. не на время только записи духовно восхищены были въ оный безтѣлесный міръ, но познали, усвоили поставленное въ ономъ безтѣлесномъ свѣтѣ, такъ что созерцаютъ присно въ немъ пребывающее. Послѣ сего ужь никоимъ образомъ нельзя усумниться въ томъ, что блаженному Августину былъ чуждъ механическій взглядъ на богодуховенность Св. Писанія. Священные писатели—по бл. Августину—это мужи силы и духа, воспитанные чрезвычайно божественною благодатью къ воспріятію и уразумѣнію тайнъ домостроительства, сокрытыхъ отъ мысленнаго взора естественнаго челоуѣка. Съ такимъ только взглядомъ на характеръ вдохновенія можетъ вполне гармонизировать и излагаемое пониманіе блаженнымъ Августиномъ авторитета Священныхъ Писаній. Этотъ авторитетъ безпредѣленъ и абсолютно необходимъ, но—конечно—только для религіозной вѣры, для религіознаго сознанія. „Въ томъ, что ясно изложено въ Писаніи“—говоритъ бл. Августинъ,—содержится все, что питаетъ вѣру и добронравіе, надежду и любовь (De doctr. chr. lib. II, с. 9)“. Что же касается свѣтскаго знанія, то вопросъ объ авторитетѣ Писанія для сего послѣдняго есть вопросъ лишній, неумѣстный, —есть просто недоразумѣніе касательно цѣли Писанія. Вотъ подходящая въ данномъ случаѣ страничка изъ „Разговоровъ“ бл. Августина „съ Феликсомъ Манихеемъ“:

Феликсъ. „Я возражаю противъ словъ твоей святости, что будю въ апостолѣ Павлѣ открылся Духъ Святой—Параклитъ“.

Августинъ. „Не только въ Павлѣ“.

Феликсъ. „Я это имѣю въ виду: въ Павлѣ, равно и во всѣхъ апостолахъ. Относительно Павла возражаю слѣдующее. Павелъ въ одномъ посланіи (1 Кор. 13, 9) говоритъ: „мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ; когда же придетъ совершенное, тогда то, что сказано отчасти, упразднится“. Когда мы внимали этому изреченію Павла, пришолъ Манихей (Манесъ) съ проповѣдью и мы приняли того, о комъ Христосъ сказалъ: „Я посылаю вамъ Духа Святаго“, а Павелъ возвѣстилъ, что Онъ самъ придетъ; и послѣ того вѣдь никто не приходилъ, поэтому мы приняли Манихея. Итакъ, какъ Манихей, пришедши, на-

училъ насъ въ своей проповѣди о началѣ, срединѣ и концѣ: научилъ насъ объ устройствѣ міра, откуда и какъ все произошло, и кто устроилъ, научилъ насъ, отчего бываетъ день и ночь, научилъ о движеніи солнца и луны; и такъ какъ этого мы не услышали отъ Павла, равно не нашли сего въ писаніяхъ прочихъ апостоловъ, то и вѣримъ, что Манихей есть самъ Параклитъ. Итакъ, я говорю тоже самое, что и раньше сказалъ: если услышу въ другомъ писаніи, въ которомъ говорить Параклитъ, т. е. Духъ Святой, то, о чемъ только захочу спросить, и ты научишь меня, то я повѣрю и отрекусь (отъ манихейства)“.

Августинъ. „Итакъ, ты говоришь, что не повѣришь, чтобы въ Павлѣ апостолѣ былъ Духъ Святой -- утѣшитель, въ виду словъ Павла: „мы знаемъ отчасти и отчасти пророчествуемъ“; но откуда ты заключилъ, что апостолъ въ этихъ словахъ предсказалъ, будто другой придетъ послѣ него и возвѣститъ все, чего самъ онъ—Павелъ не могъ возвѣститъ, такъ какъ говорить отчасти? И, далѣе, ты вѣришь, что этотъ другой есть Манихей. Итакъ, во-первыхъ, я тебѣ скажу и объясню касательно самаго изрѣченія апостола, что здѣсь апостолъ говоритъ о другомъ. Затѣмъ, такъ какъ ты сказалъ, что Манихей научилъ васъ о началѣ, срединѣ и концѣ, какъ и откуда произошелъ міръ, о движеніи солнца и луны и о прочемъ, что ты упоминалъ: то, вѣдь, не говорится въ Евангеліи, чтобы Господь сказалъ такъ: „Я посылаю вамъ Параклита, который научитъ васъ о движеніи солнца и луны“. Ибо Онъ желалъ приготовить христіанъ, а не математиковъ. Достаточно, чтобы люди, для своей человѣческой пользы, знали о сихъ вещахъ столько, сколько изучаютъ въ школахъ“. (De actis cum Felice Manichaeo. lib. I, c. c. d. et 10).

Конечно, это не значить, чтобы знаніе религіозное, почерпаемое при посредствѣ вѣры изъ Св. Писанія, не имѣло никакого отношенія къ свѣтскому знанію. Библейская исторія, напр., способна пролить свѣтъ разумнѣя на всю исторію человѣчества, но только при посредствѣ религіозной вѣры, при вѣрѣ въ божественный авторитетъ Писанія въ области исторіи богооткровенной религіи. Только эта вѣра можетъ служить вѣрнымъ руководителемъ въ дѣлѣ отысканія жизненной истины.

„Мы“—говорить бл. Августинъ.—„опираясь въ исторіи нашей религіи на божественный авторитетъ Писанія, все, что только ему противорѣчить, не сомнѣваясь считаемъ рѣшительно ложнымъ, какъ бы тамъ ни рассказывалось обо всемъ прочемъ въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Истинно-ли остальное, или ложно, оно не придаетъ намъ ничего для жизни правильной и блаженной (De civ. Dei lib. XVIII, с. XL)“. Т. е., по мысли бл. Августина, въ свѣтскихъ сочиненіяхъ можетъ быть разработано превосходно знаніе не религіозное, не имѣющее отношенія къ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ, но для вѣры не существуетъ вопроса о совершенствѣ свѣтскаго знанія по сравненію съ Библіей, ибо Писаніе для вѣры есть не только жизненная истина, но и единственный критерій всякой истины, всякаго познанія. Словомъ, Писаніе имѣетъ исключительный, божественный авторитетъ для вѣры, такъ что только на Писаніи можетъ быть основано прочное религіозное знаніе. Вѣра въ священныхъ писателяхъ видитъ не только вѣщателей божественныхъ глаголовъ, но вмѣстѣ и совершеннѣйшій образецъ религіозной мудрости. „Градъ Божій“, говоритъ бл. Августинъ, „тѣ Израильтяне, которымъ ввѣрено было слово Божіе, признавали и принимали истинныхъ авторовъ Священныхъ Писаній. Они были для нихъ и философиями, т. е. любителями мудрости, и мудрецами, и богословами, и пророками, и учителями добродѣтели и благочестія. Кто мыслилъ и жилъ согласно съ ними, тотъ мыслилъ и жилъ не по человѣку, а по Богу, Который говорилъ чрезъ нихъ (De civ. Dei lib. XVIII, с. 41)“.

Послѣ сдѣланныхъ разъясненій въ области понятій бл. Августина о вдохновеніи и авторитетѣ священныхъ писателей, легко понять и характеръ возрѣній бл. Августина на непогрѣшимость Писанія. Нужно замѣтить, что мысль о непогрѣшимости Писанія проводится съ особою настойчивостью въ сочиненіяхъ бл. Августина. Въ самыхъ различныхъ по содержанию и направленію сочиненіяхъ его можно встрѣтить такую или иную форму выраженія этой мысли. Мало того, цѣнные сочиненія, какъ: „De consensu Evangelistarum“, „Adversus Faustum Manichaeum“ и „De Genesi ad litteram“,—посвящены развитію и обоснованію мысли о непогрѣшимости Св. Писанія. Чтобы войти въ духъ пониманія бл. Августиномъ непогрѣши-

мости Писанія, необходимо подробнѣе остановиться на сочиненіи „De consensu Evangelistarum“, которое безспорно важнѣе другихъ сочиненій въ данномъ случаѣ.

Предметомъ указаннаго сочиненія служитъ примиреніе разногласій или выражаясь языкомъ бл. Августина—разнорѣчій евангелистовъ, какія открываются при сопоставленіи евангелій. Ближайшею цѣлью автора является указаніе всевозможныхъ способовъ примиренія этихъ разнорѣчій. Нерѣдко авторъ находитъ возможнымъ примѣнить къ одному и тому же разнорѣчію нѣсколько способовъ примиренія, какъ бы предлагая благочестивому читателю Евангелія свободный выборъ между ними. „Только не подумай признать“,—говоритъ бл. Августинъ—„что кто-либо изъ четырехъ (евангелистовъ) солгалъ или, въ столь великой, священной высотѣ авторитета, погрѣшилъ (lib. III, с. 13)“. „Извѣстуется (docet) же“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„что евангелисты чужды всякой неправды, не только той, которая допускается по преднамѣренному обману, но и той, которая бываетъ отъ забывчивости (lib. II, с. 12)“. Но обратимся къ самымъ способамъ примиренія. Самый простой изъ нихъ состоитъ въ усмотрѣніи общности мысли или намѣренія у разныхъ евангелистовъ при различіи въ слововыраженіи: но, вѣдь, это умѣстно только при маловажныхъ разнорѣчіяхъ. Между тѣмъ бл. Августинъ и самъ прямо признаетъ крупныя разнорѣчія между евангелистами. Такъ, онъ останавливается на различіи въ порядкѣ передачи у разныхъ евангелистовъ однихъ и тѣхъ-же событій. напр.: у Матѳея и Луки въ разномъ порядкѣ передаются отдѣльныя искушенія Господа отъ діавола, а у Матѳея и Марка одно и тоже посѣщеніе назаретской синагоги отнесено къ разнымъ періодамъ дѣятельности Иисуса Христа—если судить по порядку изложенія. Въ такихъ случаяхъ бл. Августинъ обыкновенно говоритъ о томъ, что рассказомъ священныхъ писателей руководила одна только воля Божія. „Вполнѣ вѣроятно“,—говоритъ онъ—„что каждый изъ евангелистовъ съ вѣрою сознавалъ, что ему должно рассказывать въ томъ порядкѣ, въ какомъ угодно было Богу приводить ему на память рассказываемое имъ, по крайней мѣрѣ, въ области тѣхъ вещей, порядокъ которыхъ—такой или иной—не умаляетъ авторитета и истинности Евангелія [De consensu

Ев. II, с. 21 (§ 52)]⁴. Съ другой стороны бл. Августинъ замѣчаетъ, что для дѣла не важно, въ какомъ порядкѣ излагаютъ евангелисты—хотя-бы—исторію искушенія Господа. „Ясно“, — говоритъ онъ—„что все это было (De consensu Ev. lib. II, с. 16)“. Здѣсь намъ остается только поставить вопросъ: откуда же ясно, что все это было?—Очевидно—изъ авторитета всего Св. Писанія для религіознаго сознанія христіанина, для его религіозной вѣры. Отсюда слѣдуетъ, что и безусловная непогрѣшимость Писанія существуетъ только для вѣры. Но для вѣры—именно—эта непогрѣшимость также необходима, какъ и авторитетъ Писанія,—тѣмъ болѣе, что и самый авторитетъ Писанія можетъ твердо стоять только при вѣрѣ въ непогрѣшимость послѣдняго. „Titubabit fides, si divinarum scripturarum vacillet auctoritas (De doctr. chr. lib. I, с. 37)“ — говоритъ бл. Августинъ, т. е. поколеблется вѣра, если авторитетъ божественныхъ писаній поколеблется. А этотъ авторитетъ поколеблется, если будетъ признано, что Писаніе не чуждо ошибокъ. „Если бы о божественныхъ книгахъ“—говоритъ бл. Августинъ—было высказано ясно что-либо такое, чѣмъ обнаруживались бы въ нихъ ошибки, то за это хватились бы усердно противники истины и подвергли бы страшной опасности уязвленныхъ діаволомъ (искушенныхъ сомнѣніемъ), говоря, что такой-то авторъ священной книги сказалъ неправду (De sancta virginitate, с. 17)“. „Разъ только“.— говоритъ бл. Августинъ въ другомъ мѣстѣ, — „при столь великой высотѣ авторитета, въ Писаніи будетъ признана нѣкая ложь, то отъ него не останется ни одной частицы, которая бы не была понята—по свободному взгляду каждаго—или какъ опасная для правовъ, или невѣроятная по цѣли, или какъ намѣреніе и дѣло лживаго автора (Epist 28, п. 3 ad Hieronim)“. Итакъ, бл. Августинъ отстаиваетъ ту, абсолютную для вѣры непогрѣшимость Писанія, въ силу которой послѣднее должно быть неприкосновеннымъ во всемъ своемъ составѣ. Такого понятія о непогрѣшимости Писанія—очевидно—не было у Лютера, когда онъ въ Писаніи находилъ слабыя части.

Въ такомъ видѣ представляется намъ ученіе бл. Августина о богодухновенности Св. Писанія.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**